

ФРАНСУАЗЕ САГАН ПРИПИСЫВАЮТ ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

25 марта в Париже выходит в свет полное собрание сочинений известной французской писательницы Франсуазы Саган. Неделию спустя в книжные магазины поступит ее новый роман «...И с моей самой искренней симпатией».

Недавно Франсуаза Саган переехала в новую парижскую квартиру и купила в Нормандии дом, который когда-то принадлежал Саре Бернар. «Я сняла его на лето, — говорит она, — а потом сыграла в казино 8 миллионов франков — сумму, за которую и продавался этот дом».

— В 1990 году вас приговорили к 6 месяцам тюремного заключения — условно — и к 10 тысячам штрафа. Сейчас вам снова только что предъявлено обвинение в нарушении законодательства о наркотиках. В чем, собственно говоря, вас обвиняют?

— В их употреблении. Меньше 2 граммов кокаина в месяц! Я никогда не отрицала того, что потребляю наркотики. Но я никогда не защищала их и никому их не доставала.

— Вам грозит тюрьма?

— По логике вещей, нет. Но кто знает! Меня могут заставить пройти курс лечения.

— Вы согласитесь на это?

— Никогда. Я взрослый человек и требую права разрушать себя, как мне того хочется. Я люблю жизнь, но если затрагивают мою свободу, готова пойти на решительный шаг.

— Что вы имеете в виду под «решительным шагом»?

— Чтобы избежать тюрьмы, я уеду в другую страну или закончу с собой. Никогда не потерплю, чтобы покушались на мою свободу. Я видела смерть вблизи несколько раз. Она меня не пугает. Меня страшит смерть людей, которых я люблю, но не моя собственная.

— Вы говорили об этой истории с президентом Миттераном?

— Когда я переехала несколько дней назад в новую квартиру, он мне позвонил. Президент сказал, что это неприятная история. Мы часто беседуем по телефону, особенно о литературе, но редко о политике и о частной жизни.

— Когда президент Миттеран был болен, вы навещали его?

— Я не стремлюсь встречаться с ним в подобных обстоятельствах.

— В течение всей вашей жизни вы делали только добро окружающим вас людям. Вы самый щедрый человек в мире. Вас часто предавали друзья? Вас часто предавали друзья?

— Я не ссорюсь с людьми. Я их забываю. Я чрезвычайно снисходительна к ближним. Они не всегда злые, им просто бывает страшно... Деньги просачиваются у меня между пальцев. Мне не нужна роскошь, и я всегда делала так, чтобы ею пользовались другие.

— Многие из тех, кого вы любили, недавно скончались. Складывается впечатление, что вас с жизнью связывает лишь тонкая нить...

— Действительно, я пережила многих. Может быть, вопреки моей воле... Одиночество не пугает меня, напротив, я иду его, равно как иду пространство и время... Одиночества мы можем избежать только благодаря любви.

— Знаете ли вы, какой бу-

дет следующая глава в вашей жизни?

— В какие-то моменты я настроена оптимистично, в другие — пессимистично. Может быть, я влюблюсь в аргентинского альфонса, или же закончу свою жизнь, занимаясь лошадьми и собаками в берлоге в Солони (известный своими лесами район в Центральной Франции. — Ред.).

— Узнаете ли вы себя в том, что о вас говорят?

— Слава Богу, нет. Порой утверждают, что я страдаю, хандрю... Кто-то считает меня эмоциональной, поверхностной, глупенькой... Я же люблю игру, скорость, ночь, когда отношения между людьми складываются просто... Мне приписывали много любовных историй, которых никогда не было. Моя жизнь гораздо проще, чем легенда обо мне. Моя настоящая страсть? Литература и рефги.

— Считаете ли вы себя большим писателем?

— Нет. Но я не являюсь писателем незначительным, как порой утверждают и как я сама долгое время считала. У меня, быть может, больше таланта, чем полагают многие.

— Вы писали: «Понадобились многие годы, чтобы критики признали, что я представляю собой нечто другое, нежели феномен, созданный рекламой». Вы страдали от этого?

— Вначале — да. Сейчас уже нет. Пруст и Достоевский — великие писатели, у меня нет их гения. В течение 15 лет я считала себя посредственным писателем. Как это ни странно, после рождения сына оценила себя иначе. Начала размышлять и поняла, что в конце концов я не такая плохая писательница.

— Боятесь ли вы, что больше ничего не напишете?

— Да. Я очень ленива, люблю ничего не делать, фланжировать. Но время и мечты рождают книги. И когда начинаю писать, ничто не в силах меня остановить. Не могу представить себе жизнь без сочинительства.

— У вас есть друзья в литературных кругах?

— Нет. Вначале меня отвергали, как отвергают начинающую киноактрису. Поэтому я привыкла встречаться с другими людьми. За исключением Бернара Франка, которого обожаю, я редко вижу с писателями.

— Говорите ли вы неправду?

— Очень часто. Как средство защиты. Но не из пристрастия ко лжи. Я лгу, чтобы избежать какой-то неприятной сцены или чтобы не причинить кому-то боль. Во лжи часто есть большая доброта, альтруизм. Без лжи не существовало бы ни семейной жизни, ни жизни в обществе.

— Будут ли читать Саган через 100 лет?

— Если я не читаю 3 дня, у меня портится настроение. Но будут ли вообще читать через 100 лет? Вот вопрос. Честно говоря, мне все равно. На бесмертие мне наплевать.

— Что бы вы хотели оставить после себя?

— Хорошие воспоминания. Когда я думаю о своем прошлом, то испытываю головокружение. У меня была жизнь каскадера. И все-таки если не считать нескольких автомобильных аварий, нескольких любовных переживаний, без которых могла бы обойтись, мне всегда чрезвычайно везло...

Юрпн КОВАЛЕНКО.

ПАРИЖ.